

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 81'1

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-195-202

В. В. Прозоров
Саратов, Россия**Valeri V. Prozorov**
Saratov, Russia**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР****PROFESSIONAL-CRITICAL UTTERANCE
AS A SPEECH GENRE**

Мера профессионализма критика определяется умением оценить объект своего наблюдения, исходя из внутреннего его свойств и насущных запросов общества. В частности, медиакритика – пристрастное осмысление конкретных результатов работы средств массовой информации с точки зрения формирующихся представлений о должном качестве журналистского труда. По законам жанра в медиакритическом высказывании заложены основы драматического сценария. В составе действующих сил – критик, критикуемый медиатекст, стоящий за ним автор-журналист, часто – другие критики, участвующие в полемике по поводу данного медиатекста, и предполагаемая аудитория (читающая публика, зрители, пользователи Сети). Речевой жанр медиакритического высказывания отмечен в России внутренней патерналистской установкой на разговор по душам со «своими», близкими пользователями медиапродукта. В отечественных версиях наблюдаемого жанра, как правило, обнаруживает себя явная или скрытая вера в возможность неперемного обретения прозелитов.

Ключевые слова: профессиональная критика, литературная критика, медиакритика, информативные жанры, драматический род.

The measures of professionalism of a critic is determined by the ability to assess the object of his observation, based on its internal properties and the vital demands of society. In particular, media criticism is an biased interpretation of the concrete results of the work of the mass media in terms of emerging ideas about the proper quality of journalistic work. According to the rules of the genre, a dramatic script is laid down in a media-critical utterance. As parts of the acting forces there are a critic, criticized media text, the author-journalist behind him, often – other critics participating in the controversy over this media text, and the intended audience (reading public, viewers, web users). The speech genre of media-critical utterance is noted in Russia by an internal paternalistic attitude to a heart-to-heart talk with "our own", close users of the media product. In the domestic versions of the observed genre, as a rule, there is a clear or hidden belief in the possibility of an indispensable acquisition of proselytes.

Key words: professional criticism, literary criticism, media criticism, informative genres, dramatic genus.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: Philology@sgu.ru

ORCID 0000-0002-6386-0759

About the author: Prozorov Valeri Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: Philology@sgu.ru

ORCID 0000-0002-6386-0759

Известно, что в самом понятии «жанр» заключены смыслы, вызывающие в нас устойчивые, поддерживаемые памятью поколений и накапливаемые собственным жизненным опытом, представления о содержательности структурных ожиданиях, наследственно привязанных к данной разновидности текста. Соглашаясь с Т. В. Шмелёвой относительно того, что «теорию речевых жанров надо выво-

дить за пределы повседневной коммуникации и «охватывать» все сферы коммуникации» [1 : 35], мы обратимся к текстам социально-культурного института критики как явления вторичного речевого жанра (по терминологии М. М. Бахтина [2 : 239]). Тексты социально-культурного института критики представляют специальный (пока преимущественно литературоведческий и культурологический) интерес

с точки зрения их постоянно расширяющихся сфер бытования, общественно заданных властных полномочий и соприродной им актуальности.

Сферы бытования усердно и динамично пополняются и расширяются. К критике литературной, журналистской, музыкальной, художественной, театральной, оперной, балетной в разное время прибавлялись кинокритика, критика архитектурная, цирковая, телевизионная, критика радиоискусства, ресторанный критика, рекламная критика, критика моды (fashion-критика), уверенно набирающая в настоящее время ускорение критика компьютерных игр.

Общественные полномочия профессиональной критики несомненны. Чем выше социальный статус данной отрасли культуры в реальном современном её осуществлении, тем регулярнее, мощнее и авторитетнее звучит голос критики, сопричастной этой отрасли. Чтобы понять справедливость подобного заключения, достаточно сравнить, скажем, социальную роль и общественный вес русской литературной критики в веке девятнадцатом (литературные критики – властители дум читающей публики) и, напротив, в веке двадцать первом. Подобная метаморфоза понятна: в эпохи отсутствия более или менее надежных демократических институтов критика в России неизменно берёт на себя многие из их функций (стеснённое цензурой, часто эзоповски закомуфлированное, но, тем не менее, публичное обсуждение социально значимых проблем прежде всего внутренней жизни страны) и таким образом оказывается в центре мощного общественного притяжения.

Наконец, про актуальность. Она для любой профессиональной критики является величайшей целеполагающей. Критическое высказывание – более или менее аргументированная оценка с опорой на признанные самим критиком и освещённые традицией (в том числе и вступающие в спор с традицией) критерии и выработанные им вкусы. Высказывание это всегда обращено к свежеприготовленным продуктам, к сравнительно недавно объявившимся текстам, к новым явлениям культуры. Критика по природе своей с неперменным постоянством и регулярностью ориентирована на современность и злободневность. Сам критик в этом смысле наделен статусом первоходца-оценщика и адвоката общественных потребностей и вкусов.

Не существует в реальности специальной, обособленной от самого предмета рефлексии, критики научной. Собственно критические функции постоянно и последовательно берет на себя сама научная дисциплина, сам научно-исследовательский опыт в данной от-

расли познания. Касается это и таких областей познания, как философия науки, наукометрия, науковедение. Наука включает в себя критику как естественную и неотъемлемую составную свою часть. Профессионально-критические процедуры органично вплетаются в процесс познания, непрерывно его сопровождают и служат некоторой гарантией честного, предусмотрительно правильного, корректного восхождения к истине.

Критика как суверенный оценочно-аналитический род деятельности обращена прежде всего к разнообразному миру искусств, к непрерывно развивающейся художественной культуре. Наука сама себя критикует, а искусствам нужен оценочный взгляд чуть-чуть со стороны.

Профессиональная критика (в отличие, скажем, от критики любительской) – творческая работа, ставшая или становящаяся для её автора преобладающим родом занятий. Мера профессионализма критика определяется умением комплексно оценить объект своего наблюдения, исходя из внутренних его свойств и развивающихся потребностей общества.

Что касается художественной словесности, то сопряжение собственного эстетического опыта и литературной неизведанности – одна из постоянно одолеваемых сложностей профессиональной литературной критики. Отмечая высокое и трудное предназначение истинной критики, О. А. Седакова в интервью журналу «Нескучный Сад» признаётся: «Узнать гения в современнике – может быть, не меньший дар, чем быть гением. Нужно для этого быть очень чутким, открытым к новому и свободным от общих предвзятых мнений» [3].

Экспертных критических оценок ждут, к ним прислушиваются, с ними не могут не считаться. Критический суд – справедливый, доказательный, разносторонний, пристрастный, предвзятый, склонный к очевидным крайностям – всякий, в конечном счёте, в сложной совокупности своих высказываний, является предпосылкой нормального течения дел в данной области культуры. Опрятно функционирующая в социуме критика – существенный признак здоровья и способ профилактики разного рода общественно-культурных недугов. В письме от 14 января 1887 г. А. П. Чехов старательно и точно разъясняет на этот счёт свою позицию детской писательнице М. В. Киселёвой: «Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но, как ни думайте, лучшей полицией не изобретете для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с сотворения мира изобретают, но лучшего ничего не изобрели...» [4 : 12].

Для более пристального и конкретного внимания к речевому жанру специальной критики

мы сосредоточимся на журналистской критике (медиакритике) в России. Под профессиональной журналистской критикой мы понимаем оценочный анализ, последовательно и выскательственно направленный на любую (печатную, аудио-, видео-, интернет-) разновидность медиатекста, имеющий в виду цели и задачи конкретного медийного проекта, степень и мастерство их реализации, характер воздействия медийного текста на целевую аудиторию и др. Попутное же обращение к опытам критики литературной вызвано в первую очередь тем, что отечественная медиакритика возникла и развивалась у нас в жанровом поле развёрнутых оценочных суждений, касающихся прежде всего художественной словесности.

* * *

Профессиональная критика немыслима вне атмосферы литературных споров и полемических дискуссий. Лидеров профессиональной критики писатели, близкие им по духу, по складу идейно-творческих представлений, по характеру эстетических и этических исканий, признают провозвестниками новых литературных направлений, течений и школ. Так, «натуральная школа» в русской литературе 1840-х гг. органично связывала себя с именем В. Г. Белинского. Литературно-критическая деятельность В. С. Соловьёва неразрывна с судьбой символизма в отечественной поэзии рубежа XIX–XX веков.

В условиях тоталитарного или близкого к нему жизнеустройства профессиональная критика с неизбежностью делится:

- на ортодоксальную, угождающе-громкогласую, старательно обслуживающую спущенные сверху «предписания» и «установки»;
- искренне поддерживающую «светлые стороны» властной идеологии и подвергающую сомнению некоторые из очевидных догматических её постулатов;
- внутренне оппозиционную, отстаивающую самостоятельность и искренность литературно-критического слова.

Показателем устойчивой профессионализации литературной критики является учреждение особых рецензионных отделов и рубрик в периодической печати, в электронных СМИ, организация секций, объединений литературных критиков. Отчётливо обозначившиеся в социально-культурной практике и ставшие традиционными жанры профессиональной критики – литературно-критические статьи, циклы статей, обзоры, годовые или иные по хронологическим объёмам обозрения, очерки, рецензии, программные манифесты, библиографические

заметки, аннотации, разноформатные критические отклики в Интернете и т. п.

К функциям профессионально-критических жанров в социально-культурном пространстве относятся:

- **репрезентативная**, дающая неосведомлённому пользователю более или менее взвешенное и внятное представление о предмете оценки;
- **аналитико-контекстовая**, обозначающая доказательную характеристическую связь данного явления с ему подобными, близкими или, напротив, отличными от него явлениями, с социокультурным контекстом в его развитии;
- **коммуникативная**, нацеленная на непосредственный диалог с предполагаемой потребительской аудиторией, с авторами, с другими критиками;
- **провокативная**, конфликтопорождающая, побуждающая к обратной связи, логико-стилистическими средствами обостряющая и тем самым совершенствующая собственную доказательность;
- **прогностическая**, высказывающая соображения относительно вероятных путей и направлений дальнейшего развития данного явления.

Критическое высказывание диалогично по своему назначению и структуре, оно насквозь пронизано коммуникативными токами. Критика прежде всего вступает в непосредственно близкий аналитический контакт с подвергаемым оценке объектом. Сам же объект критики – оцениваемый текст – благодарно откликается на бескорыстный запрашивающий интерес специалиста в своём деле или, напротив, обречённый на непонимание, сворачивается и остаётся безучастным и безмолвным.

Критический отклик соткан из суждений, непосредственно касающихся качественных характеристик объекта, как они представляются самому критику. Симпатизируя, поощряя, хваля или оппонирова, порицая, браня, критик цепко и пристрастно держит в поле зрения его автора-создателя. Одновременно энергия критического суждения адресована вероятной аудитории, которая может быть заинтересована в данном объекте и готова солидаризироваться с критиком или способна воспринять предмет рассмотрения-оценки иначе, чем это критику видится. Отсюда и внутренняя конфликтность критического высказывания.

Диапазон порождающего конфликт пафосного задора велик: от недоуменного аргументированного порицания и раздражённого возмущения до комплиментарной признательности и нарочито громкой, наступательной

одобренности. Судейские права критикующего («А судьи кто?»), как показывает историческая практика, определяются в первую очередь мерой его авторитетности в специальной профессиональной среде, устойчивостью его аудиторной репутации и только потом убедительностью доводов и аргументов «за и/или против».

Самая крохотная, «микроскопическая», предназначавшаяся для журнала «Современник» литературно-критическая рецензия была создана Н. В. Гоголем в 1836 г. Это не опубликованный при жизни Гоголя отклик на повесть «Убийственная встреча» неуставленного автора (А. Я.) объёмом в 113 страниц, вышедшая в свет в Санкт-Петербурге в том же году в типографии Артиллерийского департамента Военного министерства. Комментаторы гоголевских текстов справедливо отмечают, что повесть написана в сентиментально-романтическом духе, с явным подражанием А. А. Бестужеву-Марлинскому. Вот сам текст рецензии, которому должны были предшествовать в журнальной версии выходные данные рассматриваемого произведения: «Эта книжечка вышла, стало быть где-нибудь сидит же на белом свете и читатель ее» [5 : 203].

При всей своей изящно демонстративной лапидарности гоголевский текст содержит многие из отмеченных выше жанровых признаков-функций профессионального критического высказывания. В нём есть предъяснение читающему миру нового произведения. Есть обобщающая ласкательно-сочувственная оценка этого произведения (не «книжка» и тем более не «книжонка», но «книжечка»: может, мелькнуло в подсознании и воспоминание о своём грустно-дебютном «Ганце Кюхельгартене»?). Есть и скрытая полемика со скептическим взглядом на подобный литературный феномен (кому это может понадобиться? кто это примется читать? для чего сие творение, в конце концов, увидело свет?). И одновременно присутствует добрая, светло-меланхолическая и едва приметная в своём невинном озорстве интонация оправдания-признания данного литературного факта.

* * *

Весь массив многообразных речевых жанров может быть рассмотрен с точки зрения восходящей к Сократу – Платону – Аристотелю универсальной триады – эпоса, лирики и драмы с присущими им принципиально нечёткими границами в опознании беспредельного всеохвата словесных текстов (см.: [6]).

Оставив сейчас в стороне эпос и лирику, заметим, что к драме в первую очередь тяготеют все разновидности информативной, нечто сообщающей речи. В самой природе информации, в многообразных процедурах её распространения и восприятия изначально заложены предощущение и реализация разномасштабных конфликтов. Конфликты эти обусловлены расхождениями, между тем, что было известно, привычно ведомо до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой в картину мира или в её отдельные (пусть даже самые крохотные) фрагменты, во взаимоотношения с другими, в собственные самочувствия и т. д. новая или обновлённая информация. Это конфликт уходящего в прошлое настоящего (относительно устойчивого, неустойчиво равновесного, лабильного состояния) и наступающего на нас будущего (со всеми последствиями, которые может иметь для нас новое сообщение, новая информация).

Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение высказывающегося, и вольное/невольное ожидание воспринимающего информацию. В драме конфликт обычно достигает своего предела. К драматическому роду могут быть отнесены всевозможные разновидности жанров молвы, известий, новостей, сенсаций, сообщений, манифестов, заявлений, распоряжений, сведений, лекций, дискуссий, споров, обвинений, угроз, доносов, ссор.

Несомненным примером текстов в драматическом роде служат и профессионально-критические высказывания.

Согласимся, что литературно-критические и медиакритические высказывания могут быть отнесены к информативным родам коммуникации (в отличие от фатических и аутокоммуникативных родов), а с точки зрения теории литературных родов – к драматическому роду. Природа литературно-критических жанров основательно описана и осмыслена в филологии¹. Медиакритика сравнительно недавно оказалась в поле пристального исследовательского внимания².

Каковы основные характеристики медиакритического речевого жанра? Очевиден (особенно в эпоху становления отечественного журнализма) синкретический характер медиакритики – сплав критики литературной и собственно журналистской. Отчётливая самостоятельность медиакритики стала особенно оче-

¹Ограничимся отсылкой к таким фундаментально-аналитическим и учебно-прикладным работам, как: [7–13]; и многие др.

²См. самую авторитетную в отечественной медиалогии работу на эту тему: [14].

видным фактом в эпоху бурного развития электронных средств массовой информации.

Задачи медиакритики:

- рассмотреть под различными, избранными критиком ракурсами предмет оценки – данный, недавно объявившийся медиатекст;
- доказательно и убедительно сообщить публике своё более или менее развёрнутое мнение о рассматриваемом медиатексте;
- эмоционально-экспрессивными средствами заразить сочувствующую ему публику своим отношением к предмету оценки;
- вступить в диалог согласия-поддержки или несогласия-спора с другими критиками, отстаивая выстраданные подходы к журнальному (журналистскому) делу.

Журналистская критика (медиакритика) – действенное и пристрастное осмысление конкретных результатов работы средств массовой информации прежде всего с точки зрения формирующихся и бытующих в обществе представлений о должном качестве журналистского продукта. Важнейшие характеристики текстов журналистской критики – оперативность оценок, повышенный градус их эмоционально-экспрессивной окраски, почти неизменная полемическая настроенность. Критик СМИ одним из первых публично (в прессе, по радио, на телевидении, в Интернете) пробует определить ценностные параметры новых журналистских текстов, общественно значимые, творческие, этические аспекты журналистской деятельности, находящейся в фокусе его внимания.

В самом факте медиакритического высказывания заложены основы драматического сценария. В составе действующих лиц сам критик, критикуемый медиатекст (объект критического внимания), стоящий за ним и в нем отразившийся автор-журналист, часто – другие критики, участвующие в полемике по поводу данного медиатекста, и вероятная, предлагаемая аудитория (исторически сменяющиеся читатели, подписчики, публика, читательская масса, пользователи Сети и т. д.).

Полемические выступления Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, О. И. Сенковского, Ф. В. Булгарина, А. А. Краевского и др., посвященные отечественному журнализму, стоят у истоков собственно журналистской критики, а стало быть, и её истории. Журналистика заявляет о себе первоначально в лоне словесности. Не случайно В. И. Даль в своем словаре называет ее «срочной словесностью». Уловлена и ёмкая семантика понятия: регулярность (выход в срок, к сроку), и повышенная скорость, быстрота распространения информации. В XX в. технология журналистского дела удивительным образом расширяется за счет новых аудио- и видеомедийных возможностей.

Показательно с точки зрения устойчивых речевых особенностей критико-журналистского высказывания ставшее уже классическим выступление Н. В. Гоголя – статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», опубликованная в первом томе «Современника» в 1836 г. без подписи. Задумана она была автором как программно-редакционная для пушкинского журнала и стала поводом для известной размолвки Пушкина и Гоголя [15; 16].

В азартной, темпераментной статье предугаданы и отчётливо продемонстрированы многие особенности только ещё обнаруживавшего себя в России жанра:

- проницательный взгляд на журнализм как на отличный от литературы род занятий и журналистику как «живую, свежую, говорливую, чуткую литературу», которая «так же необходима в области наук и художеств, как ярмарки и биржи для купечества и торговли» [5 : 156];
- панорамная оценка журналистики в обозреваемый период;
- пристрастная, нелицеприятно конкретная характеристика принципиально новых явлений в журнально-литературной жизни 1834–1835 гг. (журналы «Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Сын Отечества и Северный Архив» «Московский наблюдатель» и др.).

Знаменателен и хлётко-озорной, подразнивающий, провокативный эмоционально-экспрессивный тон гоголевских суждений: «Бесцветность была выражением большей части повременных изданий»; «Читатели имели полное право жаловаться на скудость и постный вид наших журналов»; в статьях «не было ничего свежего, животрепещущего»; «Г. Греч давно уже сделался почётным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания: так обыкновенно почтенного, пожилого человека приглашают в посаженные отцы на все свадьбы»; «В критике г. Сенковский показал отсутствие всякого мнения, так что ни один из читателей не может сказать наверное, что более нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствам: в его рецензиях нет *ни положительного, ни отрицательного вкуса – вовсе никакого*» [Там же: 157, 158] и т. п.

Приведенные примеры, число которых легко множится, свидетельствуют и о том, что в поле зрения медиакритика постоянно находится русская читающая публика, ради которой, собственно, и слагается само критическое высказывание, завоевать внимание которой во что бы то ни стало стремится критик.

Статья Гоголя оценивает состояние журнальной литературы конкретного периода, и, вместе с тем, она заметно опережает свою эпоху. Гоголь провидчески отзывается на такие набиравшие силу проблемы журналистики, как отчётливая внятность журнального направления (не должен журнал «быть складочным местом всех мнений и толков» [5 : 157]), как стратегия и тактика журнальной полемики, как несомненный вред монополизма и польза соревновательности в журнальном деле и многое другое. Всем строем статьи Гоголь убеждает в том, что особо значим в критических разборах сам образ автора-оценщика, автора-аналитика: «критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден ещё более сам разбирающий» [Там же: 175].

Статья Гоголя отмечена широтой и остротой взгляда на оцениваемый литературный факт, на живой литературно-журнальный контекст, в котором факт этот объявился, пристрастным отношением к новому явлению медиареальности, полемической направленностью суждений, повышенным градусом эмоциональности, последовательным диалогом с предполагаемой аудиторией. Критическое высказывание органично воссоединяет оценки эстетические и этические. Оно берёт на себя труд формирования кодекса журналистской чести и правды.

Схожие параметры различимы во всяком представительном профессиональном критическом высказывании безотносительно ко времени создания самого текста. Они отчётливо обнаруживают себя в России на протяжении всего XIX в.: в страстных выступлениях Белинского, его продолжателей и оппонентов, в критике журнальной и газетной последующих десятилетий.

Подобные содержательно-структурные характеристики (при всей разности интонаций, эстетических подходов, объектов критического внимания) можно наблюдать и на многоголовом рубеже XIX – XX вв., и в яростных полемических выступлениях литературных критиков 1920-х гг., и в практике критических дискурсов последовавшей за ними хмурой советской эпохи, и в наше вольное интернетовское время.

Впервые лицом к лицу встретившись с абсолютно новым по своей природе телевизионным средством массовой информации, первый телекритик России Владимир Сапак повел свои талантливые и честные беседы о внутренних «разоблачительных» свойствах голубого экрана, и главный его, слишком даже часто пренебрегаемый на практике, вывод касался основ профессиональной этики ТВ: «Экран телевизора демаскирует ложь. Как ни прячь,

он выставляет её напоказ, подаёт на ладони, укрупняет, заставляет нас, зрителей, зло браниться и выключать телевизор. Требование правды, честности – первое условие, первая статья в телевизионном кодексе морали» [17 : 111].

И ещё: речевой жанр медиакритического высказывания отмечен в России прежде всего (при всём ироническом и саркастическом стилевом его многоцветии) неизменным настроением на некое социально-культурное миссионерство, на просветительский пафос, согрет внутренней патерналистской установкой на разговор по душам со «своими», близкими пользователями медиапродукта.

В отечественных версиях наблюдаемого жанра, как правило, обнаруживает себя устойчивая (явная или скрытая) вера в возможность и необходимость неизменного обретения прозелитов. М. Е. Салтыков-Щедрин называл это свойство «инициаторским характером русской литературной деятельности», «умственной подготовкой новых участников жизни», «воспитательным призыванием» [18 : 17, 19, 33].

Имея в виду программу «Современника», радикально настроенный Н. А. Добролюбов в письме к С. Т. Славутинскому от начала марта 1860 г. скажет об этой миссии своего журнала с предельной откровенностью: «надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить. Не давать отдыху – до того, чтобы противно стало читателю всё это богатство грязи и чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: “да что же это за каторга! Лучше уж пропадай моя душенька, а жить в этом омуте не хочу больше”. Вот чего надобно добиться и вот чем объясняется и тон критик моих и политические статьи “Современника” и “Свисток”...» [19 : 482].

Само отношение к жанру медиакритического высказывания у главных его побудителей и виновников – самих критикуемых и оцениваемых – двоякое: от якобы полного безразличия до всеискреннейшего (в зависимости от качества оценок) негодования или одобрения. Хотя худший из вариантов – полное отсутствие критики – гулкое обезоруживающее молчание, утверждающее в тщетности всех и всяческих на белом свете творческих проб. Известно признание А. П. Чехова в письме к брату Александру: «Одиночество в творчестве – тяжёлая штука. Лучше плохая критика, чем ничего» [4 : 242].

По большому счёту, критик приобщает вероятных адресатов к ценностным свойствам заинтересовавшего его объекта и пробует удерживать в быстротекущем времени достойную, на его взгляд, собственную эмоционально-

аналитическую реакцию, свой оформившийся взгляд, касающийся нового медиапродукта. Сверхзадача взыскательного критического высказывания в том, что оно определяет ценностные параметры рецензируемого текста и самим фактом своего речевого осуществления освещает и озвучивает наше «безъязыкое» (В. Маяковский) представление о недавно рождённом социально-культурном феномене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелёва Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8: Памяти Константина Фёдоровича Седова. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26–37.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Седокова О. А. О вдохновении в наши дни... URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=3244§ion_id=2013&view=print (дата обращения: 05.05.2018).
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1974. 242 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 203 с.
6. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150.
7. Бурсов Б. И. Критика как литература. Л.: Лениздат, 1976. 320 с.
8. Егоров Б. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л.: Сов. писатель, 1980. 316 с.
9. Барт Ролан. Что такое критика? // Барт Ролан. Избр. работы. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
10. Недзвецкий В. А. Русская литературная критика XVIII–XIX веков. М.: Изд-во МГУ, 1994. 182 с.
11. Зельдович М. Г. В поисках закономерностей. О литературной критике и путях ее изучения. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 2009. 160 с.
12. История русской литературной критики / под ред. В. В. Прозорова. 2-е изд. М.: Академия, 2009. 432 с.
13. Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. М.: Высшая школа, 2010. 383 с.
14. Короченский А. П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 280 с.
15. Манн Ю. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.
16. Золотусский И. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.
17. Сатпак В. Телевидение и мы: Четыре беседы. М.: Аспект Пресс, 2007. 168 с.
18. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1970. 646 с.
19. Добролюбов Н. А. Русские классики. Избр. лит.-крит. статьи / изд. подгот. Ю. Г. Оксман. М.: Наука, 1970. 482 с. Сер. Лит. памятники.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoy mediasfere. [Genre in contemporary media sphere]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: coll. of sci. works]. Iss. 8. Saratov; Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–37 (in Russian).

2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

3. Sedakova O. A. *O vdokhnoveni v nashi dni...* [About inspiration these days...]. Available at: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=3244§ion_id=2013&view=print (Accessed 05 May 2018) (in Russian).

4. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T.1* [Chekhov A. P. Full. Collected Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 242 p. (in Russian).

5. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. T. 8* [Gogol N. V. Full. Collected Works: in 14 vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR, 1952. 203 p. (in Russian).

6. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian).

7. Bursov B. I. *Kritika kak literatura* [Criticism as literature]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1976. 320 p. (in Russian).

8. Yegorov B. *O masterstve literaturnoy kritiki. Zhanry. Kompozitsiya. Stil'* [On the skill of literary criticism. Genres. Composition. Style]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1980. 316 p. (in Russian).

9. Bart Rolan. Chto takoye kritika? [What is criticism?]. *Bart Rolan. Izbr. raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (in Russian).

10. Nedzvetskiy V. A. *Russkaya literaturnaya kritika XVIII–XIX vekov* [Russian literary criticism of the XVIII–XIX centuries]. Moscow, Izd-vo MGU, 1994. 182 p. (in Russian).

11. Zel'dovich M. G. *V poiskakh zakonmernostey. O literaturnoy kritike i putyakh yeye izucheniya* [In search of regularities. On literary criticism and ways of studying it]. Khar'kov, Izd-vo Khar'k gos. un-ta, 2009. 160 p. (in Russian).

12. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki. Pod red. V. V. Prozorova. 2-ye izd* [The history of Russian literary criticism. 2nd ed]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 432 p. (in Russian).

13. Krupchanov L. M. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki XIX veka* [The history of Russian literary criticism of the XIX century]. Moscow, Vysshaya shkola, 2010. 383 p. (in Russian).

14. Korochenskiy A. P. *“Pyataya vlast’”? Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki* [“The Fifth Power”? Media criticism in the theory and practice of journalism]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2003. 280 p. (in Russian).

15. Mann Yu. *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Proceedings and days: 1809–1845]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004. 813 p. (in Russian).

16. Zolotusskiy I. *Gogol'* [Gogol]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 485 p. (in Russian).

17. Sappak V. *Televideniye i my: Chetyre besedy* [Television and we: Four conversations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2007. 168 p. (in Russian).

18. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobranie sochineniy: v 20 t. T. 9* [Collected Works: 20 vols. Vol. 9]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1970. 646 p. (in Russian).

19. Dobrolyubov N. A. *Russkiye klassiki. Izbr. lit.-kriticheskiye stat'i. <Seriya «Lit. pamyatniki»>. Izd. podgot. Yu. G. Okzman* [Russian classics. Selected lit.-critical articles. Ed. preparation. Yu. G. Oksmann]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 482 p. Series Lit. monuments (in Russian).

Статья поступила в редакцию 13.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Прозоров В. В. Профессионально-критическое высказывание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 195–202. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-195-202

For citation

Prozorov V. V. Professional-critical Utterance as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 195–202. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-195-202